

ГЛАВА 13

Сойдя с поезда, первокурсники двинулись в темноте вслед за Хагридом. Добродушный полувеликан тепло поприветствовал Гарри и Драко. За последние годы Хагрид не раз навещал мальчика в старом особняке Блэков, и Драко почти всегда был рядом. Убедившись, что привязанность юного аристократа к Гарри искренна, а сам Драко Малфой не питает презрения к его происхождению — к тому же их объединяла общая страсть к драконам, — Хагрид начал считать Драко своим добрым приятелем. Драко же полюбил этого бесхитростного гиганта ещё в прошлой жизни: пусть тот порой и бывал несклѣпист, его преданность, радушие и честность делали эту неуклюжесть почти очаровательной.

Гарри и Драко всматривались в замок, высившийся в ночи, не в силах сдержать душевного трепета. Здесь они провели семь бурных лет: годы детских дразнилок и бессмысленного противостояния, яркой юности и болезненного взросления, беспомощности и отчаяния в горниле войны. Но и после тех семи лет они не раз возвращались сюда, обсуждая послевоенное восстановление и принимая решения по самым сложным вопросам. Для Гарри Хогвартс и вовсе стал последним пристанищем — если только Гермиона исполнила его последнюю волю.

В комнате, где новички ожидали распределения, Гарри и Драко, погружённые в свои мысли, не замечали перешѣптываний за спиной. Однако Гермиона, Невилл, Блейз и Панси всё слышали. Гермиона и Панси с истинно королевским достоинством посмотрели на сплетников и решительно встали рядом с Гарри. Блейз замер с другой стороны, отвечая обидчикам презрительным взглядом, а Крэбб и Гойл, как верные стражи, прикрыли тыл. Дети мелких аристократов, дружных с Малфоями, поспешили выразить свою поддержку, а те, чьи семьи вели дела с домом Блэк, сгруппировались вокруг Спасителя. Толпа новичков явно раскололась на три лагеря: сторонники Гарри и Драко, их недоброжелатели и те, кто предпочитал держать нейтралитет. Привидения, собиравшиеся по привычке припугнуть первогодков, сочли обстановку слишком скучной и бесшумно уплыли прочь.

Придя в себя и оглядевшись, Гарри и Драко лишь вздохнули: современные дети оказались той ещё головной болью (впрочем, они и сами сейчас пребывали в детских телах). Драко мгновенно заметил багрового от возмущения Рона Уизли и сразу понял, кто именно мутит воду. Гарри же стоял неподвижно, сохраняя на лице привычную мягкость. За последние годы он не превратился в ледяное изваяние вроде Северуса, но его неизменно кроткое выражение лица стало своего рода маской. Сириус и Годрик Гриффиндор не раз сокрушались, что «маленький пирожок» становится всё менее непосредственным.

Рон Уизли явно не знал, что такое благоразумие. Он не чувствовал на себе испепеляющих взглядов Гермионы и Панси, продолжая всё громче расписывать «подвиги» Поттера и Малфоя. Даже неизменно улыбчивый Блейз едва сдерживался, чтобы не запустить в рыжего парочкой проклятий, не дожидаясь начала учебного года.

— Подумаешь, великое дело — Спаситель! — донёсся до них голос Рона. — Да Дамблдор в сто раз сильнее, он величайший светлый маг. Может, Гарри Поттер и вовсе никакой не герой, просто его мамаша провернула какой-то трюк. Пророчество говорило о июле, так Невилл Лонгботтом тоже в июле родился. Наверняка всё перепутали!

Услышав столь беспардонную тираду, Гермиона и Невилл пришли в ярость. Девочка не могла поверить, что кто-то способен так подло отзываться о Гарри и его матери лишь из-за того, что ему не пожали руку. Рука Невилла уже нащупала палочку в складках мантии: Гарри был его другом, а их родители когда-то были близки — слушать эти оскорбления было невыносимо.

— Рон Уизли, следите за языком! — В комнату вошла профессор Макгонагалл, едва сдерживая гнев. Как бы она ни старалась быть беспристрастной, Лили Эванс всегда занимала особое место в её сердце. — Не вам решать, кто является Спасителем, а Лили Эванс была одной из самых выдающихся ведьм, которых я знала. Если вы не прекратите эти бредни, я лично напишу вашим родителям. Ваша мать — добрейшая женщина, и она будет крайне разочарована, узнав о вашем поведении.

Появление Макгонагалл предотвратило стычку, и новички, присмирив, переключили внимание на предстоящую церемонию. Суровая, но справедливая, Минерва сухо представила факультеты. После общения с Основателями она пересмотрела своё отношение к системе Хогвартса, поэтому её речь была лишена всякого субъективизма.

Однако не все смогли забыть инцидент. Драко вошёл в Большой зал с ледяным лицом, Гермиона и Невилл тоже выглядели мрачнее тучи. Панси и Блейз, хоть и не были близки с Поттером, сразу зачислили Рона Уизли в список личных врагов. Крэбб и Гойл рассуждали проще: Драко — их лидер, Гарри дорог Драко, значит, рыжему не поздоровится.

Гарри поначалу не придавал значения чужой болтовне, но оскорбление матери стало последней каплей. В прошлой жизни он раздул тётушку Мардж именно за это. Его магия, внезапно ставшая дикой и необузданной, рвалась наружу. Только Драко, вовремя перехвативший его руку, помог ему не сорваться. Мальчик, бледный и искажённый яростью, привлёк внимание Снейпа и Дамблдора. Директор и профессор зельеварения обменялись многозначительными взглядами: первокурсники в этом году обещали быть крайне проблемными.

Рассеянно слушая фальшивое пение Распределяющей шляпы, Гарри не поднимал глаз, скрывая внутренний хаос. Только Мерлин и Драко знали, что сейчас творится в его душе — Рон Уизли подлил масла в огонь и без того мучительных переживаний из-за распределения. Он планировал просто игнорировать Рона в этой жизни, но внезапно осознал, что полностью вычеркнуть кого-то не получится. Семья Уизли была костяком Ордена Феникса, и Рон всегда будет этим гордиться — как он мог об этом забыть?

Гермиона отправилась в Рэйвенкло, Невилл — в Хаффлафф, Драко — в Слизерин. Круг друзей редел.

— Гарри Поттер!

В зале воцарилась мёртвая тишина, сменившаяся взрывом шёпота. Гарри с каменным лицом поднялся к табурету, надел шляпу и закрыл глаза.

— Гарри, давненько не виделись, — раздался в его голове старческий, но бодрый голос.

— Да уж, Шляпа, целую вечность.

— Малыш, ты не в духе? Я заметил, ты сам не свой. Знаешь, мне всё равно, куда тебя отправить, ты везде приживёшься. Давай просто поболтаем? С тобой куда интереснее, чем с Дамблдором.

Шляпа явно наслаждалась моментом, игнорируя нетерпение сотен учеников. Типично гриффиндорская выходка. Гарри невольно улыбнулся.

— Просто... один человек прилюдно оскорбил мою мать. Если бы не профессор Макгонагалл, я бы не сдержался.

— О, это действительно скверно. Я помню Лили Эванс — чудесная девочка. Яркая, добрая, полная жизни. Настоящая гриффиндорка. И куда умнее твоего отца, надо признать: её голова не была забита одними лишь проказами.

Шляпа, похоже, до сих пор не простила Джеймсу Поттеру его выходок — вероятно, её тоже использовали в каких-то опытах.

— Макгонагалл тоже очень её любила, поэтому и вмешалась. Мне уже лучше. Кстати, пока меня не было в школе, директор не забывал меня чистить?

— Ох, не спрашивай, Гарри! Дамблдор вечно занят — то дела, то лимонные дольки. Благо Минерва помнит обо мне и заставляет провинившихся чистить мои поля в качестве отработки. Жаль только, они не слишком нежны. Приходи ко мне в кабинет директора, когда будет время, всё равно учёба на первом курсе для тебя — сущие пустяки.

Пока Гарри беседовал со Шляпой, профессора замерли в ожидании, а зал гудел всё громче. Драко за столом Слизерина отбивался от расспросов старшекурсников и слушал пересказы ссор в поезде. Ему хотелось закатыть глаза: «Гарри, ну сколько можно? Ты и так её знаешь, ещё наболтаетесь!»

Наконец, под красноречивым взглядом Макгонагалл, Шляпа нехотя вернулась к своим обязанностям.

— Ну так что, Гарри? Какой факультет выберешь?

— Разве не ты решаешь?

— Это для обычных детей. Но ты, Гарри, уже сложившаяся личность, мудрее многих взрослых.

В тебе уживаются качества всех четырёх факультетов. Разницы нет, так почему бы тебе не выбрать самому?

Гарри обвёл взглядом столы. Знакомые лица, забытые имена и совсем чужие люди. В Слизерине он встретился глазами с Драко — тот смотрел с немым укором и мольбой. Слизерин... Твердыня тех, кто всё ещё верен Тёмному Лорду, и место постоянных интриг. Гриффиндор... Дом, где он прожил семь лет и который любил всем сердцем, несмотря на присутствие Рона. Рэйвенкло напомнил ему о тепле Полумны и вкладе старых родов в войну. Хаффлпафф — о Седрике и непоколебимой верности «барсуков».

Гарри глубоко вздохнул:

— Господин Шляпа, я решил. Пусть будет Слизерин. Я не могу оставить Драко одного среди тех, кто всё ещё грезит о Волдеморте.

После секундной паузы Шляпа довольно отозвалась:

— Добрый мальчик. Слизерин действительно поможет тебе на пути к величию. Но я рад твоему выбору больше всего потому, что у тебя есть союзник, который никогда не предаст. Что бы ни случилось, он будет рядом.

— СЛИЗЕРИН!

Под торжественный выкрик Шляпы Гарри снял её, отвесил вежливый поклон преподавателям и с улыбкой направился к Драко. Малфой, отбросив аристократическую маску и фальшивые ухмылки, поднялся навстречу другу с искренней радостью. Стол Слизерина на мгновение замер от такой непосредственности платинового аристократа, но тут же взорвался аплодисментами: Спаситель за их столом стоил того, чтобы простить Малфою минутную слабость.

Остальные столы отреагировали по-разному. Рэйвенкло и Хаффлпафф наблюдали с любопытством, а Гриффиндор забурлил, как котёл. Рон Уизли выглядел так, будто его предали лично; он без умолку твердил, что Поттер — предатель крови. Перси Уизли поджал губы, явно не одобряя выбор Спасителя, но всё же велел брату замолчать. Близнецы же ничуть не расстроились: они весело махали Гарри руками, а получив ответный жест, хохоча, послали ему воздушный поцелуй. Гермиона и Невилл махали ему со своих мест, посмеиваясь над смущением друга.

Дамблдор встал, призывая зал к порядку.

— Добро пожаловать! Приветствую всех в новом учебном году, особенно наших новичков! Прежде чем мы приступим к пиршеству, я скажу несколько слов. Во-первых, Запретный лес закрыт для всех учеников. Во-вторых, мистер Филч просит напомнить, что в коридорах нельзя колдовать. В-третьих, отбор в команды по квиддичу начнётся со второй недели, желающие —

обратитесь к мадам Трюк. И в-четвёртых: коридор на четвёртом этаже с правой стороны является запретной зоной. Те, кто не хочет умереть мучительной смертью, не должны туда входить. А теперь — Олук! Пузырь! Остаток! Уловка! Ешьте!

На столах появилось изобилие яств.

— Дамблдор всё такой же сумасброд, как и говорил отец, — Панси хладнокровно резала стейк, игнорируя взгляды со всего зала. Поттер ей нравился: он был вежлив и весьма недурён собой. То, что он из Гриффиндорского рода, её не смущало — в семье Блэк тоже были свои исключения.

— На самом деле последние слова директора — это древние руны, просто поданные в шуточной форме. Что-то вроде «Приветствую, пир начат», — Гарри улыбнулся Панси. Ему было всё равно, что директора считают чудачком — Альбус сам обожал подобные мистификации. Просто он хотел дать слизеринцам немного пищи для размышлений.

— Руны? Говорят, он большой мастер в этой области. Поттер, вы тоже ими интересуетесь? — вклинился в разговор один из старшекурсников. Гарри не понижал голос, и его слова слышали многие. Возможность прощупать Спасителя была слишком заманчивой.

Драко, тем временем, аккуратно нарезал мясо и переложил в тарелку Гарри, игнорируя его укоризненный взгляд.

— Ты слишком мало ешь, Гарри. Мама и Сириус велели мне строго следить за твоим питанием, — небрежно бросил Малфой, демонстрируя всему столу их близость. — А что до рун, то Гарри не просто «интересуется» ими — его наставляла сама леди Ровена. Лично мне ближе уроки леди Хельги по гербологии: это бесценно для зельеварения.

Сидящие рядом аристократы внутренне содрогнулись. Похоже, слухи о покровительстве Основателей были чистой правдой. Старшекурсники тут же принялись прикидывать, как поскорее написать домой о таких новостях и завязать дружбу с Малфоями и Поттером. Младшие же просто смотрели на них с благоговением. Слизерин уважает силу — это закон.

Интриги Гарри сейчас не волновали. Его куда больше беспокоили взгляды с преподавательского стола. Дамблдор смотрел с теплотой, Снейп — с суровостью, в которой Гарри угадывал привычную затаённую тревогу. И, конечно, был ещё один взгляд — полный жгучей ненависти. Квиррелл, общаясь со Снейпом, повернулся к Гарри затылком, и шрам тут же пронзил острой болью. Мальчик лишь слегка поморщился: он давно привык к боли, и годы тренировок позволили ему не выдать себя ни единым мускулом. Лишь чтобы успокоить Дамблдора, он мимолётным жестом коснулся лба.

Однако этот жест заметили и Снейп, и Драко. Северус тут же обрушил поток яда на Квиррелла, заставляя того мелко дрожать. Драко же сорвал досаду на еде, продолжая набивать тарелку Гарри до краёв. Тот с тоской посмотрел на гору провизии, потом на Драко, чьё лицо выражало решимость накормить его во что бы то ни стало, и понял, что помощи ждать

неоткуда. Панси и Блейз с явным удовольствием наблюдали за его «мучениями», а Гермиона и Невилл за своими столами лишь сочувственно улыбались, не собираясь вмешиваться.

После ужина, под хохот от исполнения гимна школы на мотив похоронного марша (стараниями близнецов), Гарри попрощался с друзьями и последовал за Драко в подземелья. Прохлада коридоров помогла ему собраться — он знал, что в гостиной их ждёт новое испытание.

Гарри слушал речь Главы факультета вполуха: интриги первого вечера его мало занимали, у него был Драко для таких дел. Он раздумывал, сколько силы стоит показать в предстоящих поединках за звание Главы курса. Ему не хотелось участвовать, но выбора не было. Драко заметил, как Гарри привычным жестом потёр переносицу — старая привычка со времён очков, которую тот не оставил даже после исправления зрения. Малфой мягко сжал руку друга: день выдался тяжёлым. И выходки Уизли, и Шляпа, и боль от присутствия Волдеморта в зале.

Снейп вошёл в гостиную стремительным вихрем чёрных одежд, бросил несколько резких напутствий и удалился, даже не взглянув на мальчиков — он знал, что эти двое справятся сами.

— Итак, начинаем борьбу за пост Главы первого курса. Желающие — выйти вперёд.

Как только староста закончил, в центр круга вышел мальчик с надменным выражением лица.

— Гарри Поттер, великий Спаситель. Я, Франк Лестрейндж, вызываю тебя.

Гарри внутренне вздохнул. Франк был из тех, кто грезил о славе Пожирателей смерти, но, судя по всему, ещё не научился скрывать свои намерения. Столь прямой вызов в первый же вечер был глупостью.

— С удовольствием. Я принимаю вызов.

Гарри вышел вперёд. Старшекурсники заметили, как мгновенно изменилась его аура: из спокойного ребёнка он превратился в хищника, затаившегося перед прыжком. В его зелёных глазах зажёгся холодный азарт. Старожилы вспомнили, что род Поттеров когда-то называли «Золотыми Львами» за их неистовую доблесть в бою. Исход поединка стал ясен ещё до первого заклинания.

Лестрейндж осыпал Гарри градом проклятий, но тот даже не шелохнулся. Безупречный «Протега» поглощал все удары. Разъярённый Франк, потеряв контроль, выкрикнул тёмное заклятие.

Староста рванулся было на помощь, но не успел. Впрочем, помощь и не потребовалась: щит Гарри даже не дрогнул.

— Франк, ты проиграл. Встань в строй, — осадил староста Лестрейнджа, внутренне восхищаясь мощностью щита Поттера. Удержать столь долгую защиту, погасившую даже тёмную магию, требовало колоссального резерва.

После Лестрейнджа вызвались ещё несколько человек, но Гарри не произнёс больше ни слова. Он просто стоял за своим нерушимым щитом, пока противники не признавали поражение. К середине круга все поняли: магическая мощь Спасителя — не выдумка газетчиков.

— Ну, теперь моя очередь, — Драко с улыбкой вышел вперёд.

Гарри шутливо закатил глаза:

— Ты лентяйничал, Драко.

Их дуэль была иной. Отточенные движения, каскад выверенных заклинаний, молниеносная реакция — студенты смотрели на них затаив дыхание. Они не использовали ничего сложнее программы второго курса, но по накалу и мастерству этот бой превзошёл даже финал шестикурсников.

— Ладно, Драко, я выдохся. Признаю поражение, — Гарри опустил палочку после очередной серии атак. Драко синхронно прекратил огонь.

Староста объявил Малфоя Главой курса, а Поттера — его заместителем. Приняв поздравления, Драко увёл Гарри в их спальню.

— Драко, откуда ты знал, что мы будем в одной комнате? — спросил Гарри, когда они уже готовились ко сну.

Драко, откладывая полотенце, хитро улыбнулся:

— Ты забыл, что я Малфой? — Он не стал уточнять, что именно было написано в записке, которую он незаметно передал старосте после пира.

Гарри лишь фыркнул и зарылся в одеяло. Усталость взяла своё, и одиннадцатилетнее тело быстро погрузилось в сон.

Драко лежал в темноте, глядя на спящего друга, и улыбался. Он боялся, что Гарри попадёт в Гриффиндор к Уизли, и даже планировал подстроить рыжему пару недель в больничном крыле. Но теперь всё было правильно. Гарри рядом. Не нужно никого ревновать, не нужно бояться за него. Сокровище, добытое в двух жизнях, может быть в безопасности только под его присмотром.

<http://bllate.org/book/17565/1702898>